

*Любимый детектив
Английской королевы*

Когда расследование ведут инспектор Томас Питт и его жена Шарлотта, мы можем быть уверены, что находимся в образцово-показательной викторианской компании.

The New York Times

Мало кто из создателей детективов в духе Артура Конан Дойля может так красочно воспроизвести атмосферу викторианского Лондона, так точно прорисовать его детали и воссоздать настроение той эпохи, как Перри.

San Francisco Chronicle

Если вы купили очередную историю от Энн Перри, то вы можете смело рассчитывать на то, что она будет превосходна.

The San Diego Union Tribune

Участливость Питта и природная сметка Шарлотты сделали эту пару практически идеальными сыщиками – и уникальными литературными характерами... Энн Перри благодаря своему редкому дару описала их очень живо и жизненно.

The Philadelphia Inquirer

Совершенно невероятный – и вместе с тем абсолютно правдоподобный финал...

Publishers Weekly

Призрак с Кейтер-стрит
Находка на Калландер-сквер
Туман над Парагон-уок
Воскрешение на Ресуррекшн-роу
Вор с Рутленд-плейс
Утопленник из Блюгейт-филдс
Смерть в Поместье Дьявола
Натюрморт из Кардингтон-кресент
Тишина в Хановер-клоуз

Энн
Терри

Тишина
в Хановер-клоуз

ЭКСМО
Москва
2013

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)
П 27

Anne Perry
SILENCE IN HANOVER CLOSE

Copyright © 1999 by Anne Perry.
Published by arrangement with St. Martin's Press, LLC.
All rights reserved

Оформление серии *А. Саукова, Ф. Барбышева*

Иллюстрация на переплете *П. Трофимова*

Перри Э.

П 27 Тишина в Хановер-клоуз / Энн Перри ; [пер. с англ. Ю. Гольдберг]. — М. : Эксмо, 2013. — 384 с. — (Любимый детектив английской королевы).

ISBN 978-5-699-68407-6

По приказу начальства инспектор лондонской полиции Томас Питт расследует дело об убийстве и ограблении трехлетней давности. В библиотеке уважаемого особняка, расположенного в Хановер-клоуз, ночью ударом по голове был убит дипломат Роберт Йорк. Вскоре Томас сталкивается со многими странностями. Преступление было совершено явно не профессионалом, а украденные вещи и бумаги так нигде и не всплыли. Кроме того, до убийства в доме несколько раз видели загадочную женщину в пурпурном платье, которую никто не знал. Проведав об очередной криминальной загадке, жена Томаса Шарлотта и ее сестра Эмили немедленно начинают собственное расследование. Но дело оборачивается так, что леди Эмили Эшворд приходится идти служанкой в богатый дом, а Томас Питт попадает в тюрьму по обвинению в убийстве...

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)

© Гольдберг Ю. Я., перевод
на русский язык, 2013
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-68407-6

*Тете Айне,
вдохновившей меня на создание образа
тетушки Веспасии*

Глава 1

— Полицейский участок, сэра! — громко объявил кэбмен, не дожидаясь, пока остановится лошадь. В его хриплом голосе звучало презрение. Он не любил подобные места, и тот факт, что участок находился в красивом, аристократическом квартале Мейфэр, нисколько не менял дела.

Томас Питт выбрался из кэба, поднялся по каменным ступеням и вошел в дверь.

— Да, сэра? — без особого интереса спросил сидевший за столом сержант.

— Я инспектор Питт с Боу-стрит¹, — кратко представился Томас. — Мне нужно видеть старшего дежурного офицера.

Сержант тяжело вздохнул, критически рассматривая Питта. Инспектор никак не соответствовал представлениям сержанта о начальстве — он был какой-то несерьезный. На самом деле вошедший выглядел просто неряшливо: одежда разномастная, карманы набиты всяким хламом... Парень совсем за собой не следит. Такое впечатление, что его волос никогда не касались ножницы цирюльника — разве что садовые ножницы. Тем не менее сержант слышал о Питте и поэтому разговаривал уважительно.

— Конечно, сэра. Инспектор Моубрей. Я доложу ему о вашем приходе. Могу я узнать, по какому делу, сэра?

---

¹ На Боу-стрит находилось Управление полиции Лондона.

Питт сдержанно улыбнулся.

— Нет, простите. Это строго конфиденциально.

— Как скажете, сэр. — Сержант лениво повернулся и вышел. Несколько минут спустя он вернулся, двигаясь с той же неторопливостью. — В эту дверь, сэр. Потом вторая дверь налево. Инспектор Моубрей вас ждет.

Моубрей был смуглым, лысеющим мужчиной с умным лицом; он с явным любопытством разглядывал Питта, который вошел к нему в кабинет и закрыл дверь.

— Питт, — представился гость и протянул руку.

— Я слышал о вас. — Моубрей крепко сжал ладонь Томаса. — Чем могу помочь?

— Мне нужно увидеть отчет о расследовании ограбления на Хановер-клоуз около трех лет назад — а если точнее, семнадцатого октября 1884 года.

Лицо Моубрея вытянулось от удивления, потом померчнело.

— Печальная история. Ограбление дома нечасто сопровождается убийством — по крайней мере, в этом районе... Ужасно, ужасно. Ничего так и не нашли. — Его брови приподнялись, и он с надеждой посмотрел на Питта. — У вас что-то есть? Всплыла наконец одна из украденных вещей?

— Нет, ничего. Мне очень жаль, — извинился Томас. Он чувствовал себя виноватым, вмешиваясь в чужую работу, и сердился, потому что был вынужден хитрить, скрывая истинную цель своего визита, который, скорее всего, окажется бесполезным.

Питту не нравилось, что он оказался втянутым в это дело. Им должен был заниматься Моубрей, но поскольку речь шла о такой деликатной материи, как честь женщины — жертва была из благородной и влиятельной семьи, — а главное, появились слухи о возможном предательстве, Министерство иностранных дел использовало свое влияние и добилось того, чтобы расследованием руководил Балларат; так они получали возмож-

ность следить за ходом расследования и направлять его. Суперинтендант Балларат очень хорошо умел предугадывать желания начальства и был честолюбив, намереваясь достичь в своей профессии таких высот, чтобы проложить дорогу в высшее общество и, возможно, даже стать джентльменом. Суперинтендант не понимал, что те, на которых он хотел произвести впечатление, всегда способны определить происхождение человека по его манерам и речи.

Питт был сыном егеря и вырос в большом деревенском поместье. Он воспитывался вместе с хозяйским сыном и обладал манерами мелкопоместного дворянина. Кроме того, он женился на девушке, которая была гораздо выше его по социальному положению, что приблизило его к тем слоям общества, которые недоступны для обычного полицейского. Балларат не любил Питта и считал его манеру держаться высокомерной. Тем не менее суперинтендант был вынужден признать, что лучшего человека, чем Питт, для этого расследования не найти.

На лице Моубрея промелькнуло разочарование, но всего лишь на мгновение — вероятно, он ни на что и не надеялся.

— Ага. Тогда вам лучше сначала поговорить с констеблем Лоутером; это он нашел тело. И конечно, вы можете прочесть все отчеты того времени. Но там почти ничего нет. — Он покачал головой. — Мы очень старались, но свидетелей не нашлось, а ни одна из украденных вещей так и не всплыла. Возможно, замешан кто-то из своих, и поэтому мы опросили всю прислугу в доме. Безрезультатно.

— Думаю, я тоже ничего не найду. — Это звучало как скрытое извинение.

— Выпьете чашку чаю, пока я пошлю за Лоутером? — предложил Моубрей. — Жуткая погода. Не удивлюсь, если снег выпадет еще до Рождества.

— Спасибо. — Питт с радостью согласился.

Десять минут спустя он сидел в другой комнате, маляской и холодной, с шипящей газовой лампой на стене, освещавшей обшарпанный деревянный стол. На столе лежала тонкая папка с документами, а напротив Питта по стойке смирно стоял напряженный и смущенный констебль; пуговицы на его мундире сверкали.

Томас предложил констеблю сесть и рассказать все, что ему известно.

— Да, сэр, — нервно произнес Лоутер. — Я очень хорошо помню то убийство на ХанOVER-клоуз. Что вы хотите знать?

— Всё. — Питт взял чайник, не спрашивая наполнил белую эмалированную кружку и подвинул констеблю, который от удивления вытаращил глаза.

— Спасибо, сэр. — Он с удовольствием отхлебнул, собрался с мыслями и тихим голосом стал рассказывать: — Это было семнадцатого октября, в пять минут четвертого утра, больше трех лет назад. Я тогда был на ночном дежурстве и проходил мимо ХанOVER-клоуз...

— Как часто? — перебил его инспектор.

— Каждые двадцать минут, сэр. Регулярно.

Губы Питта тронула улыбка.

— Я знаю, как это бывает. Вы уверены, что вас нигде ничто не задержало в ту ночь? — Он намеренно оставил Лоутеру лазейку, дав возможность избежать обвинений и в то же время не лгать. — Может, были какие-нибудь происшествия?

— Нет, сэр. — Взгляд синих глаз констебля был честен. — Иногда меня и вправду задерживают, но не в ту ночь. Я был точен, как часы — ну, минута туда, минута сюда. Вот почему я заметил разбитое окно в номере втором — двадцать минут назад оно было целым. Причем на фасаде, что очень странно. Обычно грабители заходят со двора и запускают худого парнишку, чтобы тот пролез между прутьями решетки и открыл им дверь.

Питт кивнул.

— Ну, я подошел к двери дома номер два и постучал, — продолжал Лоутер. — Мне пришлось устроить адский шум... — Он покраснел. — Прошу прощения, сэр. Долго стучать, пока кто-нибудь не спустился. Минут через пять дверь открыл лакей. Полусонный. Ливрея поверх ночной рубашки. Я сказал ему о разбитом окне, и он вроде как испугался и повел меня прямо в комнату с окнами на улицу. В библиотеку. — Констебль тяжело вздохнул, но не отвел взгляда. — Я сразу увидел, что дело плохо — два стула опрокинуты и лежат на боку, по полу валяются книги, вино из графина пролито на стол у окна, а само окно разбито и на полу блестят осколки.

— Блестят? — переспросил Питт.

— Лакей зажег газовые лампы, — объяснил Лоутер. — Он был здорово напуган, могу поклясться.

— И что дальше?

— Я прошел в комнату. — Лицо констебля сморщилось, словно он вдруг вспомнил, что человек смертен. — На полу я увидел тело мужчины, сэр. Лицом вниз, вот только ноги его были немного согнуты, будто на него напали сзади, врасплох. Голова вся в крови... — Он коснулся своего правого виска, у линии волос. — На полу в десяти дюймах от него лежала бронзовая лошадь на подставке, дюймов восемнадцать в длину. На мужчине был халат поверх ночной рубашки, на ногах домашние туфли. Я подошел поближе, чтобы посмотреть, можно ли ему помочь, хотя сразу понял, что он мертв. — На лице констебля появилось выражение, словно у взрослого, жалеющего ребенка. — Лакею — парню было не больше двадцати лет, точно — стало дурно, и он сел на пол. «О, боже... — сказал он — Это мистер Роберт. Бедная миссис Йорк!»

— Мужчина был мертв? — спросил Питт.

— Да, сэр, мертвее не бывает. Но еще теплый. И я точно знал, что окно было целым, когда я проходил мимо двадцать минут назад.

— Что вы делали дальше?

— Ну, понятно было, что его убили. И, похоже, кто-то забрался в дом с улицы — все стекло внутри, шпингалет отодвинул. — Его лицо помрачнело. — Но это был явно какой-то новичок: ни стекольных работ, ничего — и такой беспорядок!

Питту не было нужды спрашивать, что такое «стекольные работы». Многие опытные воры пользовались этим приемом: на стекло наклеивалась бумага, которая будет удерживать осколки, а затем аккуратно и беззвучно вырезался круг, чтобы в отверстие можно было просунуть руку и открыть шпингалет. Искусный взломщик способен проделать эту операцию за пятнадцать секунд.

— Я спросил у лакея, есть ли в доме один из этих телефонных аппаратов, — продолжал Лоутер. — Он сказал — есть, и я вышел из библиотеки, оставив лакея у двери. Нашел аппарат, позвонил в участок и сообщил о преступлении. Потом спустился дворецкий — должно быть, услышал шум и, когда лакей не вернулся наверх, решил сам посмотреть, что случилось. Он официально опознал мертвого мужчину как мистера Роберта Йорка, сына почтенного Пирса Йорка, хозяина дома. Но того не было, он уехал по делам, и поэтому ничего не оставалось делать, как сообщить старой миссис Йорк, матери жертвы. Дворецкий послал за камеристкой — на случай, если леди станет дурно от такой новости. Но когда миссис Йорк спустилась и мы ей сказали, то она вела себя очень спокойно и достойно. — Констебль восхищенно вздохнул. — В такие моменты понимаешь, что значит настоящая порода. Она стала бледной, как привидение, будто сама умерла, но не плакала при нас, а только попросила камеристку немного поддержать ее.

Питт видел много замечательных женщин, которых воспитывали переносить физическую боль, одиночество или тяжелую утрату, сохраняя внешнюю невозмутимость; их слез не видел никто. Эти женщины провожали своих мужей и сыновей на битвы при Ватерлоо или под Балаклавой, в экспедицию на Гиндукуш, на поиски истоков Голубого Нила, а затем для того, чтобы создавать империю и управлять ею. Многие сами отправлялись в незнакомые земли, стойко перенося нужду, лишения и разлуку со всем, что им дорого и близко. В представлении Питта миссис Йорк была именно такой женщиной.

Лоутер продолжал говорить тихим голосом, вспоминая печальный дом и горе его обитателей.

— Я спросил, не пропало ли чего. Было неудобно расспрашивать хозяйку в такой момент, но нам нужно было знать. Миссис Йорк была очень спокойна, но двигалась по комнате вроде как с опаской. Она сказала, что, как ей кажется, отсутствуют два маленьких портрета в серебряных рамах, датированных 1773 годом, хрустальное пресс-папье с гравировкой в виде цветов и свитков, маленький серебряный кувшин, в который ставили цветы, — об этом легко было догадаться, потому что сами цветы валялись на полу, а вода была вылита на ковер; непонятно, как мы не заметили этого раньше, — и первое издание книги Джонатана Свифта. Больше ничего она не заметила.

— Где хранили книгу?

— На полке, вместе с другими, мистер Питт... Это значит, она знала, где стоит книга. Я спросил, и она ответила, как будто в этом не было ничего особенного.

— Ага. — Питт медленно выдохнул. И сменил тему: — Убитый был женат?

— О, да. Но я не стал беспокоить его жену, бедняжку. Она спала, и я не видел смысла будить ее посреди ночи. Решил, пусть уж это сделают родственники.

Питт не стал его винить. Сообщать печальные новости близким жертв — одна из самых тяжелых обязанностей в делах об убийстве; тяжелее только видеть лица родственников виновных, когда они наконец узнают правду.

— Вещественные доказательства? — спросил он.

— Ничего, сэр, — покачал головой Лоутер. — По крайней мере, ничего существенного. В доме не нашли чужих вещей, и ничто не указывало на то, что грабитель был где-нибудь, кроме библиотеки. Ни следов обуви, ни обрывков ткани — ничего. На следующий день мы опросили всех слуг в доме, но они ничего не слышали. Никто не слышал, как разбилось окно. Но слуги спят на самом верху, на чердаке — наверное, они и не могли слышать.

— А снаружи? — настаивал Питт.

— Тоже ничего, сэр. Никаких следов под окном, но в ту ночь был ужасный мороз, и земля стала как железо. Я сам не оставил следов, хотя вешу около четырнадцати стоунов¹.

— И достаточно сухо, так что на ковре ваших следов тоже не осталось? — спросил Томас.

— Ни одного, сэр. Я тоже об этом подумал.

— Свидетели?

— Нет, мистер Питт. Я сам никого не видел и не нашел людей, которые видели. Понимаете, Хановер-клоуз — это и вправду тупик; через него нет сквозной дороги, и чужие там не ходят, только местные жители, особенно зимой, посреди ночи. И шлюх там тоже не бывает.

Примерно это Томас и ожидал услышать. Но ведь шанс всегда есть. Остался один очевидный вопрос.

— А что насчет украденных вещей?

Лоутер поморщился.

---

¹ Т. е. около 89 кг.

— Ничего. Хотя мы очень старались — убийство как-никак.

— Что-нибудь еще?

— Нет, мистер Питт. С семьей говорил мистер Моубрей. Может, он расскажет вам больше.

— Я его спрошу. Спасибо.

Лоутер был удивлен, но особого облегчения, похоже, не испытывал.

— Спасибо, сэр.

Моубрея Питт нашел в его кабинете.

— Узнали, что хотели? — спросил тот; на его смуглом лице появилось выражение любопытства и смирения. — Лоутер опытный работник. Будь там что-нибудь, он бы этого не упустил.

Томас сел, стараясь расположиться ближе к камину. Моубрей подвинулся, освобождая ему место, и взял чайник, движением бровей предлагая еще чаю. Питт кивнул. Напиток был темно-коричневым, перестоявшимся, но горячим.

— Вы пришли на следующий день? — приступил к делу Томас.

Моубрей нахмурился.

— Пораньше, насколько позволяли приличия. Терпеть это не могу — разговаривать с теми, кто потерял близкого человека и еще не оправился от шока. Но ничего не поделаешь. Очень жаль. Самого Йорка дома не было, только мать и вдова.

— Расскажите мне о них, — перебил его Питт. — Не только факты. Какое они произвели на вас впечатление?

Моубрей набрал полную грудь воздуха и медленно выдохнул.

— Старшая миссис Йорк — удивительная женщина. В свое время, думаю, была красавицей, да и теперь еще привлекательная, очень...